

Глава 3. Третий аксолотль

С появлением этого смарт-динамика «Тмолл Цзиньлин», прибитого к берегу морскими волнами, одиночные хроники выживания Двенадцати Юаней на закате человечества наконец-то начались по-настоящему.

Говорить-то Двенадцать Юаней умел. Вот только знал всего одну фразу.

И это свалившееся с небес чудо техники пришлось как нельзя кстати: теперь Розоволосый мог тренировать свой путунхуа, который пока держался на уровне трёхлетнего ребёнка.

Подражателем он был прирождённым. И пускай когда-то этот розовый аксолотль перенёс тяжёлую травму головы, его упорству можно было только позавидовать. Теперь же, когда повреждённые клетки восстановились, его мутировавшее тело сулило немалые шансы на выживание в этом опустевшем мире.

Однако самым трудным для него сейчас было вовсе не само подражание человеческой речи. Сложнее всего было понять, зачем люди вообще разговаривают.

Ведь человеческий язык — это не просто забавная игра для маленького аксолотля, а средство общения и выражения чувств.

Сейчас Двенадцать Юаней напоминал человеческого младенца. Человеческие дети ведь тоже поначалу бездумно копируют звуки, произносимые взрослыми. Лишь со временем они начинают осознавать, кто такие «мама» и «папа», открывая для себя истинное значение и силу слов.

Вот и Двенадцати Юаням предстояло уяснить: люди говорят со смыслом, а не ради праздного развлечения. И только тогда этот розовый малыш, чья голова пока оставалась чистым листом, а сердце не знало глубоких чувств, сможет наконец задуматься над тем, кто он такой.

— Госпожа Май! Слыхали, муж-то ваш опять вам в Сингапуре недвижимость прикупил? Ох, а бриллиант-то какой на кольце! Во всём Шамшуйпо второго такого не сыщешь. Вот уж правда: чем двадцать лет самой спину гнуть, лучше разок удачно выскочить замуж!

— Да уж, господин Май у нашей госпожи Май — просто загляденье! Всем женщинам на зависть, настоящий капитал!

— Моника! Я-то считала тебя лучшей подругой! А ты, пока я уезжала на материк, прибрала к рукам моего мужа?! Так ты платишь за мою доброту?!

— Ой, прости, дорогая! Раз уж мы подруги, почему бы не поделиться мужем? Не будь такой жадиной... В крайнем случае, по понедельникам, средам и пятницам он твой, а по вторникам, четвергам и субботам — мой... Ай! Сумасшедшая! Ты дерёшься?!

— Ещё как дерусь! Буду я ещё дни недели высчитывать! Да забирай этого кобеля себе, даром не нужен! С этого дня он мне не муж, а ты мне не подруга!

—...

Возможно, диковинный гуандунский акцент Двенадцати Юаней сбил какие-то настройки, но этот довольно умный прибор после того, как кроха пару раз ткнул в него когтями, без конца крутил по кругу одну и ту же мыльную оперу.

Малышу от роду было всего тринадцать дней. Все эти страсти про мужей, измены и красивую жизнь богачей пролетали мимо его ушей, не вызывая ровным счётом никаких эмоций.

Впрочем, на этом Острове счастья Джека Ма, заваленном горами посылок и коробок, он оставался единственной живой душой. Здесь не было ни продуцентов, ни консументов, ни редуцентов — никого. Когда рушится основа экологической пирамиды, шансы найти пищу или чистую воду стремятся к нулю. Сам по себе Двенадцать Юаней выжить бы не смог.

Без животных, растений и бактерий, в условиях, когда воздух над Океаническим фронтом становился всё более разреженным, он бы рано или поздно задохнулся. Он был обречён на медленную смерть.

К тому же охотничьи навыки аксолотлей равны нулю. Подслеповатый, неуклюжий — далеко ли уплывёшь или уползёшь? Если бы не остатки рыбьего корма в пакетике, он бы ни за что не добрался до Океанического фронта.

Такими темпами этот розовый аксолотль рисковал протянуть лапы от голода задолго до того, как освоит хотя бы азы человеческой речи.

Однако вскоре начали происходить странные вещи. А началось всё с того самого момента, когда невероятная попутная волна забросила его на Океанический фронт, где он благополучно сел на мель.

Своим спасением после тринадцати дней скитаний по морю малыш был обязан именно той шальной волне. Оказавшись на песчаной отмели, он уже приготовился к суровым будням робинзона. Но заботливая стихия, словно невидимый покровитель, не оставила розового толстячка в беде и следующим же мощным толчком вышвырнула на берег тот самый смарт-динамик.

Двенадцать Юаней только глазами хлопал.

Волна-благотельница один за другим доставляла ему полезные вещи. Такое везение казалось просто невероятным. Что примечательно, волны катились наперекор ветру, с хирургической точностью подбросив к его лапам коробки с человеческой едой.

И всё же, несмотря на нежный возраст и обилие бесхозных богатств, розовый крепыш отличался от большинства неразумных детёнышей в мире природы. У него не было тяги к хаосу и разрушению. Этот глупенький аксолотль обладал удивительным качеством, вызывающим непреодолимое желание погладить его по розовой макушке. Он интуитивно понимал: чужие посылки трогать нельзя.

На упаковочных лентах чётко значилось: «В случае повреждения или утери получателю выплачивается компенсация». Пусть хозяева этих коробок исчезли, смутные воспоминания о правилах человеческого общежития руководили его крошечным мозгом. Словно заботливая мать, подсознание шептало ему: «Если вещь лежит перед тобой, это ещё не значит, что она твоя».

Он понимал разницу между своим и чужим. Никакой голод не мог оправдать воровство.

К тому же, если хочешь выжить в этом суровом мире, нужно полагаться только на собственные силы, а не ждать, пока прилетит волшебник в голубом вертолёте. Как говаривала госпожа Май из динамика, мужчины ненадёжны. Только ты сам — твоя главная опора. И блага, добытые собственным трудом, приносят куда больше радости.

Своим упорным отказом от лёгкой наживы Двенадцать Юаней доказывал, что он — весьма благородный представитель своего вида.

Денег у него не водилось, а у коробок были законные адресаты. Люди исчезли, но вдруг кто-то из них всё ещё жив где-нибудь в провинциях великого Китая? Разве можно разорять чужие посылки из-за мимолётной прихоти? Расстраивать адресата? В глазах маленького Двенадцати Юаней это сделало бы его обыкновенным эгоистичным воришкой, а такое поведение он считал недопустимым.

Настолько чистой и сильной душой обладал этот крохотный комочек жизни, что иным представителям человеческого рода стоило бы у него поучиться.

Впрочем, оптимист Двенадцать Юаней в похвалах не нуждался. Беззаботный малыш продолжал прилежно повторять слова за смарт-динамиком, забавно округляя рот и пытаясь избавиться от своего неистребимого южного говора:

— Госпожа-а Май...

— Му-уж...

— Мо-оника...

Он декламировал эти три фразы во весь свой на удивление зычный голос, глядя на двухцветные воды Океанического фронта. На большее его пока не хватало. Охотиться он так и не научился, продолжая терпеливо голодать. Но прежде чем этот розовый глупыш успел окончательно исхудать, неведомый покровитель вновь пришёл на помощь.

16 февраля 20XX года

Чудеса продолжились. Посреди безлюдного пляжа, где высились лишь нетронутые посылки, появился новый предмет.

Округлая, нежно-розовая сфера, покрытая тончайшим бархатистым пушком, лежала прямо на его пути. От неё исходил умопомрачительный сладкий аромат, заставивший малыша мгновенно облизнуться. Если память ему не изменяла, люди называли это персиком.

Двенадцать Юаней понятия не имел, растут ли в Гуандуне персики в это время года. Он озадаченно захлопал глазками-бусинками:

— Ме-а?

Проскитавшись столько времени в устье Жемчужной реки у берегов Дунгуаня, он вдруг обрёл такое сокровище. Живот заурчал от голода, но врождённая осторожность заставила малыша помедлить. «А вдруг этот диковинный плод ядовит? Вдруг от него вырастет не только шевелюра, но и что-нибудь похуже?» — размышлял он.

Но голод был сильнее страха.

Сочный, явно кем-то бережно вымытый персик благоухал так призывно, что у розового обжоры глаза засияли, словно звёзды. Рот наполнился слюной, которая потекла весёлым ручейком, совсем как у капризного карапуза. В следующий миг он с радостным писком ринулся на добычу и вонзил зубы в нежную мякоть.

— Ме-а-а!..

— Ме-а! Ме-а! Ме-а!

— Ме-а-а-а!..

Остров счастья Джека Ма таил в себе немало загадок. На первый взгляд — дикий, Богом забытый клочок суши, где не встретишь ни одной живой души. И тем не менее эта земля исправно пеклась о раненом пришельце: то волной его спасёт, то снабдит умной колонкой и горой припасов, а теперь и вовсе преподнесла спелый, огромный персик, выросший без всяких семян и полива прямо на песке.

Не отягощённый лишними думами Двенадцать Юаней за пятнадцать минут умял фрукт дочиста, светясь от блаженства.

Ночью, перемазанный сладким соком, сытый и довольный Розоволосый спал без задних ног. Его круглый животик мерно вздымался. Розовый хвостик лениво покоился на песке, лапки забавно торчали кверху, а из приоткрытого рта доносилось тихое сопение.

Розовые пряди его забавной причёски отросли и мягко обрамляли щёчки цвета спелого персика. С тех пор как он слегка поправился, его мордочка утратила прежние резкие черты аксолотля, став более круглой и миловидной. Обглоданная до последнего волокна косточка сиротливо лежала рядом со спящим беззаботным тельцем.

Двенадцать Юаней не ломал голову над тем, где раздобыть пропитание на следующий день. Насытившись сегодня, он не тревожился о туманном завтра.

Но таинственный благодетель делом доказал: если ты чертовски мил, сама вселенная позаботится о тебе, избавив от лишних хлопот.

17 февраля 20XX года

С наступлением затяжного полярного дня в этой мёртвой зоне розовый аксолотль лениво приоткрыл затянутые плёнкой чёрные глазки. И замер от изумления. Перед ним снова разверзлось чудо.

Малыш оцепенел, позабыв даже своё привычное «ме-а». Картина, представшая его взору, казалась чем-то средним между фантастикой и нелепой шуткой.

Вчерашняя косточка бесследно исчезла. Вместо неё из песка торчало раскидистое, наспех воткнутое за ночь ветвистое коралловое дерево исполинских размеров. На ветках этого редчайшего красного коралла, добытого явно с колоссальной глубины, висели спелые яблоки, бананы, ананасы, источающий густой дух дуриан и одна ярко-зелёная головка брокколи.

Двенадцать Юаней:

—...

«Это ж как надо было испереживаться за чужой рацион, чтобы соорудить такое чудо?» — если бы кроха умел думать масштабными категориями, он наверняка сравнил бы неведомого благодетеля не просто с заботливой матерью, а с самой богиней Мацзу, оберегающей морские пути. И если уж судить по меркам человеческих мыльных опер, такой молчаливый и деятельный заботливый спутник дал бы сто очков вперёд ветреному господину Маю.

Но сказка о морском покровителе не могла длиться вечно без суровых жизненных коллизий. Вечером того же дня идиллия нарушилась самым прозаическим образом.

До сих пор Двенадцать Юаней стойко переносил все невзгоды — и ранение, и голод. Но то ли экзотические дары глубин оказались несвежими, то ли непривычная клетчатка вызвала расстройство желудка, только к ночи бедняжка занемог. Его маленький животик скрутило не на шутку.

Вдали, на границе Океанического фронта, сталкивались пресные воды реки и солёные пучины моря — два мира разной плотности, которым в прежние времена не суждено было сойтись. Лишь катаклизм планетарного масштаба и рождение новой эры заставили их слиться воедино.

Живым существам всегда нужны чудеса. Иногда чудо зовут надеждой, иногда — просто удачей. Да и какой уцелевший скиталец откажется от веры в невозможное, когда привычный мир рухнул?

С приходом очередной ледяной полярной ночи розовый толстячок не искал тёплое местечко, не играл и не кричал свои любимые заученные слова. Измученный болью, он безутешно плакал на холодном песке.

Взгляд его чёрных глазок-бусинок, обычно светившихся живым любопытством, теперь потускнел. Он жалобно попискивал, прижимая лапки к раздувшемуся боку. Вид беззащитного крохи растопил бы даже каменное сердце. Ему так нужны были ласка, тёплые руки и забота.

Но на этом пустынном берегу не было никого, кроме него. Он весь дрожал среди наступающей тьмы безлюдной зоны, выдавая страх и одиночество перед лицом безмолвной стихии.

И вдруг морская гладь, оберегавшая покой малыша, всколыхнулась. Ветер окреп, вздымая тяжёлые свинцовые волны.

В этих краях, переживших тектонические сдвиги и заиливание русла реки, выжить было невозможно. Никто бы не поверил, что здесь таится живая душа.

Но надежда умирает последней. Над удушливым, скованным разреженным воздухом устьем Жемчужной реки, превратившимся в настоящую мёртвую зону, разорвалась пелена безнадежности.

Из чёрной пучины медленно поднялся исполин. Окружённый колыханием полупрозрачной тёмной мембраны, он бесшумно скользнул к берегу. По мере того как вода стекала с его широких плеч, обнажалась крепкая, гладкая кожа и сильные человеческие руки. Это существо было куда более загадочным и величественным, нежели Двенадцать Юаней.

С точки зрения прежних людей он показался бы диковинным монстром. Нижнюю часть его тела венчал огромный змееподобный хвост с мощными плавниками, который с лёгкостью взрезал тяжёлые волны Океанического фронта.

Но в его облике не было ни капли уродства. Скорее наоборот: черты лица этого повелителя глубин на три четверти походили на человеческие, воплощая гармонию, неподвластную привычным земным канонам красоты и уродства, мужественности или женственности. Его облик подчинялся высшим законам эволюции — так выглядели бы древнейшие обитатели океанов, достигшие пика разумного развития за миллионы лет развития.

Масштабы его тела подавляли. Огромный хвост длиной более двадцати метров соперничал со старыми владыками океанских глубин — китами, а пропорционально развитые торс и голова довершали образ грозного исполина. Он превосходил человека ростом почти в двадцать раз. Одна только его аура вызывала благоговейный трепет и глубинную, инстинктивную дрожь перед непостижимым масштабом.

И всё же, когда этот гигант, опираясь на сильный хвост, медленно выбрался на отмель, в его чертах проступило нечто до боли знакомое. Его лицо обладало классическим восточным благородством, свойственным сынам Поднебесной. Открытый взгляд и мягкие очертания скул мгновенно навевали мысли о бескрайних равнинах, шумных городах древности и уюте родного очага. Это лицо не несло в себе чуждой угрозы; оно возвращало ощущение дома.

Мокрые пряди густых смоляных волос свободно ниспадали на плечи. Смуглая, согретая золотистым отливом кожа выглядела здоровой и сильной, храня тепло далёкого солнца даже в солёной воде. Прямая линия носа переходила в чётко очерченный рот с характерной припухлостью нижней губы — эта деталь придавала его лицу особую, утончённую выразительность.

Во взоре этого морского исполина читались глубокая мудрость, вековое спокойствие и пронизательность. Казалось, всё его необъятное существо сейчас сосредоточено лишь на страдающем малыше.

Тонкие полупрозрачные жабры за раковинами ушей ничуть не портили его благородного облика, а длинные волосы струились с мягким, почти девичьим изяществом, лишая его фигуру грубой маскулинности. Каждое его движение безмолвно транслировало хрупкому существу на песке: «Я такой же, как ты».

Пусть старый мир канул в небытие, один лишь взгляд на этого исполина дарил покой, уверяя в том, что наследие предков не утрачено окончательно. Его величие крылось не в размерах, а во внутреннем магнетизме. Этот древний обитатель бездны унаследовал всепрощающую, великую

душу древней земли. В нём сквозила та самая созерцательная красота, которая не требует кричащих украшений — чистая, как акварельный набросок тушью, глубокая, как безмолвные горы.

Бесконечное доверие пробуждалось в груди при взгляде в эти бездонные глаза. Сила и кротость переплелись в его облике столь гармонично, что любая боязнь исполинов отступала. Древнее создание замерло у кромки воды, не сводя загадочного взора с плачущего на песке розового комочка.

О чём он думал в этот миг? Никто не знал. Без сомнения, этот древний повелитель Южного моря по имени Фушэнь годился розовому детёнышу в праотцы.

Несмотря на вековую мудрость и древнее происхождение, лицо его хранило свежесть юности, хоть эволюция и наложила на тело отпечаток первозданной морской стихии. Рядом с крохотным Двенадцатью Юанями он казался ожившей горой.

Но в великане не было злобы. Мягкий нрав и терпение не позволяли ему вмешиваться напрямую; все эти дни он незримо оберегал глуповатого пришельца, потакая его капризам и подкармливая сочными плодами.

И надо же было такому случиться: великий владыка Южного моря, перенёсший не один апокалипсис и сохранивший бодрость духа, на старости лет попался на уловку хнычущего симулянта!

Не успел благородный Фушэнь сделать и шага по песку, намереваясь бережно приподнять плачущего Розоволосого, как тот из темноты мгновенно уставился своими круглыми хитрыми глазками-бусинками в огромные глаза застигнутого врасплох великана.

Фушэнь опешил.

—...

Двенадцать Юаней жалобно моргнул:

—... Ме-а?

<http://bllate.org/book/19977/2028568>